

Вернуть мозги

Не так давно Дмитрий Медведев выступил со статьей о необходимости модернизации страны и нового научно-технологического прорыва. Как раз накануне группа докторов наук обратилась к президенту с просьбой спасти конкурсное финансирование науки.

В чем дело? Почему ученые недовольны, несмотря на постоянный рост затрат на науку и инновации в последние годы? Почему прогресс не ускоряется вместе с экономическим ростом? Как и за счет чего в России возможно снова создать великую науку?

Пустой и гулкий холл. Металлические рога вешалок с одинокой телогрейкой, болтающейся в углу. Глухая тишина. Запахи дрозофильных сред смешиваются с всепобеждающим запахом гниения. В стороне замечаю движение, оборачиваюсь испуганно — уж не привидение ли? Почти. Это я отражаюсь в огромном зеркале.

Тяжелая дубовая дверь пропускает в лабораторный коридор. На первом этаже жизни нет. Лаборатории давно заперты. В дверных проемах видны кучи мусора. Из куч доносится тихое шуршание. Кто там? Крысы, сбжавшие из вивариев, с электродами, торчащими из раскошенных черепов? Или уже «существа»?

Роскошная парадная лестница ведет на второй этаж. Перед дверями запертого конференц-зала сидят лохматые голодные кошки — прямо на пыльном паркете, по которому ступали ботинки нобелевских лауреатов. Половина дверей на замках, но за половиной еще теплится жизнь. Нахожу знакомый номер. Моя подруга, кандидат биологических наук, встречает меня в рваном халате с чашкой чая в руках. Под неработающей вытяжкой — энергоемкие агрегаты давно отключены — на спиртовке подрагивает обгоревшая алюминиевая кастрюля. Идет эксперимент...

Так выглядел один из институтов РАН в 1997 году.

Научный конь

С начала кризиса бодрые призывы к затягиванию ремней и тотальной экономии средств смолкали у границ научного сообщества. Что же делать с наукой? Некоторые полагают: «В условиях ужесточающейся технологической конкуренции и жестких бюджетных ограничений страна не в состоянии тратить десятки миллиардов долларов на получение знаний “широким фронтом”».

Другие видят формообразующий пафос ровно в обратном. «Использование открытий, совершенных полстолетия назад, питало наше процветание и успехи нашей страны в последующие полстолетия. Решения о поддержке науки, которые я принимаю сегодня, будут питать наши успехи в течение следующих пятидесяти лет» — с такими словами президент США Барак Обама обратился к Национальной академии наук в апреле кризисного 2009 года.

Кто же прав?

Вливания в российскую науку из средств федерального бюджета в последние годы росли стремительно. Если в 2005 году ассигнования составляли 57,8 млрд рублей, то в 2008-м — уже 124,4 млрд. Кошки из институтов разбежались, люди вернулись на рабочие места, но... О настоящем положении науки в России можно с уверенностью сказать только одно: больной скорее жив, чем мертв. «Бюджет Академии наук был увеличен очень заметно, а сколько-нибудь заметного повышения результативности тех, кто это повышение осуществлял, не наблюдается, — отмечал замдиректора Института проблем передачи информации РАН Михаил Гельфанд, выступая на круглом столе “Наука и технологии Российской Федерации: на пороге перемен”. — Естественное соображение — не в коня корм».

Чем плоха отечественная наука?

Особенно уязвимое место — инновации. Оказавшись перед необходимостью продемонстрировать миру

несырьевой характер отечественной экономики, властные структуры готовы спонсировать науку исключительно в обмен на инновации.

Но их-то как раз нет даже в планах и проектах. Согласно принятой в 2006 году «Стратегии развития науки и инноваций до 2015 года», к указанному сроку доля инновационной продукции в общем объеме продаж на внутреннем рынке должен составить 18%. Между тем в Германии этот показатель еще в 2003 году составлял 34,4%, а в Республике Корея — 49,8%. Только 20% научных разработок в нашей стране имеют внятный выход на промышленные технологии. В США коммерциализируется до 80% научных работ.

Дело в том, что в доперестроечную эпоху собственно инновациями в СССР занимались небольшие отраслевые НИИ, к фундаментальной академической науке отношения не имевшие. Однако, как напоминает Борис Штерн, доктор физико-математических наук, главный редактор газеты «Троицкий вариант», «с наступлением рыночной экономики советские отраслевые НИИ рухнули. А то, что пытается сейчас прорасти на их месте, влачит жалкое существование. Это, как правило, мелкие фирмы, составляющие доли процента от того, что должно обеспечить производство инновациями». Естественно, ответственность за последние в данной ситуации легла на плечи РАН, для которой, по признанию ученых, «требования инновационности абсурдны».

Механизмы работы инновационных и собственно научных проектов четко разделяются по методам финансирования. «В случае инноваций оно не грантовое, а венчурное. Это всегда очень рискованные, обращенные в будущее проекты, очень часто они проваливаются. Зато какая-то их часть дает высокую отдачу, и таким образом весь процесс окупается. РАН должна финансироваться безо всякой оглядки на инновации. Это финансирование высшего уровня исследовательской деятельности, целью которой являются знание и люди, им владеющие», — поясняет Борис Штерн. Похоже, что в исходном государственном запросе к РАН смешаны помидоры с апельсинами.

Однако бывают времена, когда можно согласиться и на инновации. Исторический факт: когда Россия воевала, вся отечественная наука честно работала на нужды фронта. Сейчас ученые готовы приравнять кризис к военному времени.

Государственные научные организации могут и не отказываются заниматься исследованиями, пригодными для коммерциализации. Они этим и занимаются — в рамках нескольких федеральных целевых программ (ФЦП) оборонного назначения. Однако в том, что касается гражданских технологий, заказчики предпочитают доверять западным инновациям. Согласно данным проекта Аналитического доклада о развитии отечественной фундаментальной науки и деятельности РАН (сентябрь 2009 года), «РАН не включена в число госзаказчиков ни по одной ФЦП гражданского назначения, предусматривающей создание новых технологий, а также не привлекается к их разработке».

Сколько вешать в граммах?

Впрочем, как показывает мировой опыт, результативность фундаментальной науки нельзя подсчитать простым перечислением ее заслуг перед рынком. Коммерческая выгода — веский, но побочный продукт научного прогресса, великая наука организуется иначе, чем инновации в экономике. Япония и Корея строили свой экономический прорыв на основе чужой, западной науки, поначалу вкладываясь в промышленные изобретения и их адаптацию к производству, а не в научные открытия. Качественная наука в этих странах стала появляться уже после «экономического чуда». Китай только сейчас, после десятилетий роста и «воровства» изобретений, близок к созданию науки высокого качества. Но в СССР великая наука была, и странно было сейчас ее уничтожать, надеясь создать потом с нуля.

Так что же считать критерием эффективности собственно науки? Вопрос этот не праздный. Если вы начнете объяснять чиновнику, который дает вам деньги, что квазары — это очень интересно, он вас вряд ли поймет. Ценность квазара должна быть измерена в понятных ему единицах. Но как?

Если в качестве критерия использовать патентную активность, тут мы упремся в очередной парадокс. Согласно данным Аналитического доклада, на долю РАН приходится, по разным оценкам, от 18 до 25% всех патентов, выданных на территории РФ. При этом за десять лет — с 1995-го по 2005-й — на долю всех американских университетов пришлось менее 2% всех патентов, выданных в США.

Следует ли из этого, что американская наука менее результативна, чем российская? Сомнительно. Впрочем, и то, что российская наука вовсе не результативна, тоже спорно. Просто российский и международный патенты пока означают нечто совсем разное.

Если в качестве оценки рассматривать количество публикаций, то на среднестатистического исследователя в России приходится 1,1 статьи в год. Не так уж и мало. Однако статей, публикуемых в изданиях с высоким международным рейтингом, единицы. А многие отечественные научные журналы даже не имеют англоязычных версий и существуют только для внутреннего пользования — в том смысле, что их читают только сами авторы, а в научном обороте и в прогрессе они не участвуют. Иными словами, назрела перезагрузка внутренней среды научной полемики, публикации и экспертизы результатов. А пока, за редким исключением, только появление в западных журналах означает, что научная работа прошла достаточную экспертизу.

Из всех возможных критериев наиболее четкое представление о ситуации дает индекс цитируемости, основанный на публикации в лучших мировых изданиях, так называемый импакт-фактор. «Грубо говоря, надо добиться того, чтобы работы российских ученых цитировали во всем мире», — считает Борис Штерн. Но... в реальности импакт-фактор в качестве критерия даже не рассматривается.

Невнятность научных показателей стала головной болью не только для чиновников, мечущихся между инновациями и импакт-факторами. Отсутствие гамбургского счета приводит к снижению собственно научных требований к ученому. «Наша наука вот-вот станет дремучей провинцией, — резюмирует Борис Штерн. — Есть некоторое количество людей, максимум 20–30 тысяч на всю страну, которые работают на международном уровне. И есть много десятков тысяч научных сотрудников, которые постепенно сползают на местный провинциальный уровень. Это расслоение только усугубляется со временем».

Но честная экспертиза, оценка коллег по гамбургскому счету — это прямая опасность для «провинциалов» от науки, а также для массы ученых и институтов, которые были когда-то очень сильными, но давно не производят внятных результатов. Единственная политическая возможность — не бороться на уничтожение с устаревшей или утратившей былую состоятельность наукой, а продолжать ее финансировать, надеясь на то, что мягкие условия и невысокий темп научной жизни будут иногда чудом давать неожиданные результаты. В конце концов «провинциальная наука» либо изменится, либо отомрет.

Но надо заметно увеличивать финансирование конкурентной, жесткой научной среды, в которой за рубль надо бороться эффективностью, в которой необходимо каждый день доказывать свою научную репутацию и состоятельность. Причем не в околотке, а перед всем миром, перед мировой наукой.

Научный потенциал джунглей

В том самом 1997 году, с которого мы начали, задавать вопрос о зарплате научного сотрудника было неприлично: она тогда составляла чисто символическую сумму, жить на которую было просто нельзя. Теперь ситуация принципиально изменилась.

В 2006 году президиум РАН разработал новую систему оплаты труда научных работников. Авторы концепции преследовали две цели: увеличение КПД сотрудника академии и соответствующее этому увеличение зарплаты. При этом зарплата должна зависеть от научной результативности, и наоборот. Повышение зарплаты планировалось произвести главным образом за счет борьбы с «неэффективными» работниками — к 2010 году штат академии должен сократиться на 20%. Оставшиеся 80% выигрывают в деньгах. С 2006 года под слезы и крики в РАН идут сокращения. На сегодня, по официальным данным, зарплата выросла в 5 раз и составила в среднем 33,9 тыс. рублей.

Вот только заметного роста эффективности при этом не произошло. Почему? Эксперты объясняют это запенсионным возрастом основной массы научных работников. Молодежь, идущая в науку, сталкивается примерно с теми же проблемами, с какими сталкивался легендарный

герой Островского Павлик Корчагин на станции Боярка. «Сейчас практически нет возможности принять в лабораторию молодого специалиста, — сетует Сергей Лукьянов, заведующий лабораторией молекулярных технологий Института биорганической химии РАН, член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, один из нобелевских номинантов по химии 2008 года. — Ребята защищают у нас дипломы и кандидатские, просят на работу, а свободных ставок нет. Приходится нанимать их на год в качестве временных работников, а потом увольнять — таковы условия отечественных грантов. Естественно, у молодого человека просто нет возможности строить научную карьеру». Прибавьте к этому проблемы с жильем, и вы поймете, что собственное дитя от ухода в науку лучше отговорить.

Сегодня ситуация с кадрами РАН выглядит угрожающе. «Демографическая проблема — самая трудная и плохо решаемая, — говорит Борис Штерн. — В 90-е годы наука пережила тяжелые удары. В результате

тотальных отъездов было выбито целое поколение. Мало того что молодежь почти невозможно взять на работу, эту молодежь некому учить. Сейчас вам многие эксперты скажут, что поезд ушел и реанимировать научную среду уже невозможно».

Впрочем, даже если молодежь валом повалит в науку, ей все равно, скорее всего, нечего будет там делать. Повезло теоретикам, которым для работы требуются всего лишь ручка и бумага. Экспериментаторам можно только посочувствовать. По данным все того же Аналитического доклада, «в настоящее время в РАН доля машин и оборудования в возрасте до 1 года составляет 14,9%, от 1 года до 10 лет — до 54,2%. Тем не менее, почти треть научных приборов и оборудования академических институтов находится в эксплуатации более 11 лет». Это значит, что техническое обеспечение лабораторий на треть соответствует тому уровню цивилизации, когда еще не было ни интернета, ни мобильных телефонов.

Самые дешевые штаны

Но самые большие неожиданности ждут нас в области финансирования.

Поток бюджетных средств, втекающий в науку, разделяется на три рукава: базовое финансирование институтов (сюда входят коммунальные платежи и зарплата научных сотрудников), средства ФЦП и государственных грантовых фондов (РФФИ, РГНФ), ориентированных на фундаментальные исследования.

Если первый поток втекает в институты согласно обычным тарифным сеткам, то распределение последних двух производится на конкурсной основе. Именно деньги, поступающие по линии фондирования и ФЦП, фактически и являются теми, на которые создается отечественная наука. Средства эти немалые. Казалось бы, выигрывай конкурс и твори. Но... Тут надо сделать небольшое отступление.

«Дело в том, — поясняет Виктор Вахштайн, декан факультета социологии и политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук, — что модели организации института и его отношений с государством могут быть разными. Исторически их сложилось две: американская и континентальная, или германская. Американские университеты всегда были самостоятельны и совершенно независимы от государства. Они сами решали, на что тратить выделяемое бюджетное финансирование, могли выступать в качестве заказчиков тех или иных разработок и обладали правом полностью распоряжаться своей интеллектуальной собственностью. А вот вторая модель предполагает полную юридическую и финансовую зависимость от государства. Именно на нее ориентированы научные институты России». Что это означает на практике? Только то, что любые попытки научных инициатив вдребезги разбиваются о факт жесткой вписанности РАН в государственную машину с ее волокитой и коррупцией.

Крайне неуклюжее бюджетное законодательство, заточенное под промышленность и строго товарный спрос и предложение, с трудом вмещает в себя хрупкий организм научно-исследовательского комплекса. Страшным сном стал для отечественной науки Федеральный закон от 21 июля 2005 года «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Именно этим законом руководствуется Минобрнауки, выбирая исполнителей для решения фундаментальных задач. Этот закон разрабатывался в интересах самого обычного заказчика, которому нужна, допустим, партия недорогих штанов. Он предлагает простые условия игры: заказчик будет выбирать из всех предлагаемых производителей тех, кто шьет быстрее и дешевле. Но как быть, если вы заказываете не штаны, а хотите разобраться с действием на организм того или иного гена? Ведь вы даже не знаете, что получите на выходе. Тот, кто разберется быстро и за три копейки, скорее всего, не обладает должной квалификацией и даст вам неправильный ответ. Однако по закону именно этого исполнителя вам и придется выбрать.

При этом средства ФЦП и грантов строго подотчетны по статьям расходов и срокам выполнения работ. Все заявки на расходы, согласно требованиям, составляются задолго до начала самих работ. Это приравнивает исследователя к тому самому изготовителю штанов, от которого требуются точные сведения, какое количество ткани он пустит на карманы и гульфики. Но если размер гульфиков портной может просчитать с относительной точностью, то запрограммировать результат и ход эксперимента исследователь физически не способен. Если он в состоянии это сделать, значит, он либо Эйнштейн, либо портной. Первое бывает нечасто.

Руководство РАН не раз пыталось донести эту простую истину до соответствующих органов. Ответ органов прост: научное финансирование составляет всего лишь малую долю бюджета страны, что же нам для вас отдельное законодательство создавать, что ли?

Возможно, отдельное законодательство для науки создавать и не надо. Но механизмы экспертизы для выделения денег на исследования должны быть научными, а не чиновничьими. Есть понятные принципы

научной экспертизы, исключая сговор и некомпетентность и позволяющие госчиновнику проконтролировать результат и честность экспертизы: только ученые, работающие в той же или близкой области, способны оценить заявку другой лаборатории или института. Тем более что для этого есть ресурс мировой науки, в том числе и бывших россиян, которые работают на Западе и не связаны специфическими «семейными» отношениями на родине. А без квалифицированного конкурса наука будет до бесконечности оказываться в ситуации «ручного распределения средств» и не сможет выбраться из постыдной системы откатов.

«Вот типичный пример, — рассказывает Евгений Онищенко, научный сотрудник Физического института РАН, бывший член координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета по науке, образованию и технологиям при президенте РФ, один из создателей сайта Scientific.ru. — Есть такая контора — принадлежащее государству ОАО «Межведомственный аналитический центр». Она девятнадцать раз участвовала в конкурсах Минобрнауки и девятнадцать раз побеждала. Уже в этом году она получила два лота на общую сумму примерно в сто миллионов рублей на научно-техническое прогнозирование — на зависть японцам, которые тратят на эти цели в несколько раз меньше. По случайному совпадению министр образования и науки Фурсенко и заместитель руководителя Роснауки Биленкина, подписывавшая конкурсную документацию по этим лотам, — члены совета директоров ОАО «МАЦ». А председатель конкурсной комиссии по этим лотам Лесина — член ревизионной комиссии ОАО «МАЦ»».

Авторы Аналитического доклада приводят другой пример. Одним из победителей по лоту «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области переработки и утилизации техногенных образований и отходов» стал Читинский государственный университет. При этом по содержательному критерию его заявка заняла 60-е место из 62 возможных.

От себя заметим, что, по данным неофициальных источников, откаты по лотам ФЦП могут доходить до 70% от общей стоимости лота.

И все-таки в России еще остаются ресурсы для создания науки мирового уровня. Для этого достаточно атмосферы честной научной конкуренции, гамбургского счета вместо административного застоя, постыдных откатов и коррупции. В динамичную среду и под амбициозные задачи можно было бы вернуть часть «утекших» мозгов и привлечь молодежь. Но память о том, что у нас была великая наука, часто мешает двигаться вперед — осознать реальность, рисковать, привлекая молодых и активных ученых на ключевые позиции, использовать иностранный опыт организации науки. Пока под прикрытием великого прошлого нашей науки коррупционеры делят деньги, звания и статусы. Но времени у нас немного: разрыв поколений и степень морального разложения таковы, что через несколько лет проще будет всех уволить и начать с нуля.

Автор: Ольга Андреева,
Даниил Ильченко

© Русский репортер

НАУКА И ТЕХНИКА, МИР

👁 5115

21.09.2009, 16:32

👍 523

URL: <https://babr24.com/?ADE=81036> Bytes: 20049 / 19997 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ольга Андреева,**
Даниил Ильченко.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: kraasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)